

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОРЕНБУРЖЬЕ В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация: Статья раскрывает основные этапы антирелигиозной политики Советского государства в 20–40-е годы XX столетия. Особое внимание уделено взаимоотношениям местных государственных органов и церковных деятелей. Автор рассматривает осуществление антицерковной деятельности через призму декретов, законодательных актов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Советское государство, антицерковная политика, декреты, церковные ценности, репрессии.

Цитирование: Токоякова Н.Р. Осуществление антицерковной политики в Оренбуржье в 20–40-е годы XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 1 (26). С. 46–58.

Сведения об авторе: Токоякова Надежда Раисовна – преподаватель социально-гуманитарных наук КГАПОУ «Красноярский колледж олимпийского резерва» (Россия, Красноярск). E-mail: nadyushka-2411@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2023

Принята к публикации 20.02.2023

В 90-е гг. XX века современное Российское государство, повернувшись лицом к Церкви, начало понемногу пересматривать свои позиции к религиозным объединениям. На данный момент сильно поменялось отношение к конфессиям как со стороны официальных властей, так и общественности. Религиозные объединения и организации получили возможность свободно осуществлять свою деятельность, а граждане нашей страны – свободу выбора: исповедовать ту или иную религию либо придерживаться атеистических взглядов. Что было закреплено на

законодательном уровне в Конституции Российской Федерации в 28 статье.

В настоящее время идёт переоценка роли Церкви в истории и культуре народов нашей страны, пересматриваются многие утвердившиеся ранее положения при освещении истории религиозных организаций советского периода, которая началась с Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Историю религиозных конфессий и антицерковную деятельность государства в 20–40-е годы можно считать одной из наиболее трудных и противоречивых проблем в исторической науке.

К настоящему времени опубликовано немало исследовательских работ, посвящённых борьбе Советского государства с религиозными объединениями и затрагивающих различные аспекты этой темы.

Важно выделить, что большинство отечественных и зарубежных исследователей проведение религиозной политики раскрывают через взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви, отметив их как ключевые. Церковной политике в период Великой Отечественной войны уделено, соответственно, больше внимания.

В Оренбургской области местное руководство действовало в соответствии с распоряжениями и политикой центральных органов власти. И поэтому сокращение численности верующего населения обосновывали убедительностью атеистической пропаганды, массовым сознательным отказом от религии и успехами в антирелигиозной работе, хотя приверженность к той или иной конфессии приобретала скрытые формы.

Образовывались различные секты, которые действовали активнее антирелигиозников. Известно, что существовал даже хор, гастролировавший по деревням и исполнявший песни религиозного содержания. Секты были хорошо связаны между собой

и получали литературу из Куйбышева и Москвы. Но очень скоро борьба с верой была подменена борьбой с верующими. Факты, свидетельствующие об этом, разрознены, часть документов по-прежнему в закрытых хранилищах. Хотя даже по доступным материалам можно представить картину антицерковной политики государства в 20–30-е годы.

Декрет В.И. Ленина об отделении церкви от государства, который был опубликован 23 января 1918 года, стал основанием для проведения командно-административной системой репрессивной политики против религии. В нём было отмечено, что церковь уже не является «юридическим лицом», не имеет права на собственность, получать субсидии и вести обучение в государственных и частных образовательных учреждениях. Она могла бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, а также свободно отправлять религиозные обряды, если они не нарушали общественного порядка. Каждый гражданин был свободен в выборе религии, которую он мог исповедовать [5, с. 24].

Правительство в начале 1929 г. приняло решение о разработке особого документа, призванного стать единым руководством к действию в церковных вопросах.

Таким документом после декрета СНК «О свободе совести» (20 января 1918 г.) в антицерковной политике государства стало постановление ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года.

Исследователями антицерковной политики государства приводятся разные данные по закрытым молитвенным зданиям Южного Урала и Оренбургской области. По сведениям А.В. Ильясова, в 30-е годы в Оренбуржье местными органами управления была прекращена деятельность 327 церквей. На Южном Урале только за период с 1935 г. по 1940 год было закрыто более 200 молитвенных зданий, церквей и мечетей. Другой исследователь А.Н. Потапова в своей работе уточняет, что на Южном Урале легально действующей являлась 1 церковь

(в Челябинской области), недействующих культовых помещений РПЦ насчитывалось 997, мечетей 265.

Информацию о закрытии религиозных помещений можно встретить и в местной периодической печати, в которой отражены меры властей и части населения по борьбе с церковными организациями.

Так, Оренбургская губернская газета «Смычка» 17 ноября 1929 г. писала: «Невзирая на запрещение Шарлыкского районного административного отдела, староста, священники и Совет Шарлыкской церкви устроили во время крестного хода на первый день пасхи факельное шествие, стрельбу из оружия и фейерверк. Священников Борисова и Зайцева и члена церковного совета Шеина суд приговорил к 8 годам заключения со строгой изоляцией, с конфискацией имущества и к высылке по отбытии наказания из Оренбургского округа на 5 лет». Статья Абальцева «Поповская контрреволюция» нуждается в дополнительной проверке, так как эта информация могла быть написана с целью пропаганды атеизма [4, с. 92].

2 февраля 1930 г. пленумом оренбургского горсовета было вынесено постановление закрыть знаменитый Казанский собор, Вознесенскую, Преображенскую, Серафимовскую и Богословскую церкви, синагогу № 1, мечети на Арендованных местах, Новой стройке, в Карачах и при татарском педагогическом техникуме, а также снять колокола со всех церквей города и передать их в фонд постройки Дома культуры в Оренбурге.

В период хлебозаготовок в 1936 г. в большинстве районов области по договоренности с церковными советами помещения церквей, мечетей были использованы для временной засыпки зерна.

Но и тут не обошлось без нарушений: «В Саракташском районе руководители Петровского сельсовета явились к председателю церковного совета Петровской общины верующих с требованием предоставить церковь для яровизации семян. В связи с приближе-

нием пасхальных дней церковный совет предложение отклонил, а сельсовет вместо того, чтобы добиться через общее собрание колхозников, трудящихся и единомышленников, в том числе и верующих, решения, обязывающего церковный совет предоставить церковь под яровизацию семян, встал на административный путь и пытался методами штрафной репрессии принудить церковный совет удовлетворить просьбу сельсовета» [4, с. 93].

Почти одновременно шло физическое истребление священнослужителей. В Оренбуржье в 1930–1937 годах было расстреляно около 100 человек, а около 400 получили различные сроки заключения (данные не полны, сведения даны только по рассекреченным делам).

В итоге к 1941 году в г. Чкалове были закрыты все девять соборных мечетей. По данным Оренбургского областного исполнительного комитета по состоянию на 1 января 1938 года на территории Оренбуржья действующих культовых зданий (церквей, синагог, мечетей и т. п.) всего имелось 35, из них: церквей – двадцать, мечетей – семь, молельных домов – восемь. Культовые здания принадлежали: Тихоновскому течению – 21, старообрядческому – одно, мусульманскому – семь, обновленческому – пять, еврейскому – одно. В качестве складских помещений, зернохранилищ, клубов использовались девяносто церквей и восемнадцать мечетей [1, с. 27].

По три церкви, что было самым большим числом в области в это время, действовало в следующих районах: Асекеевский, Мордово-Боклинский, Оренбургский, Троицкий. В Бугуруслане действовали две церкви, в Оренбурге – одна церковь, две мечети, один молитвенный дом. Две церкви функционировали в это время и в Гавриловском районе. В Сорочинском районе сказывалось, судя по документам, влияние баптистов.

17 сентября 1938 года постановлением № 1191 Оренбургский облисполком утвердил решение о закрытии Дмитриевской церкви. После этого действующих церквей в Чкалове не осталось.

Культовое сооружение было закрыто, так как «8000 жителей просили её под клуб». В Чкаловской области из 327 недействующих церквей были заняты различными организациями.

Достаточно сильное преследование церковных организаций продолжалось и в начале Великой Отечественной войны. Однако, по ходу военных действий стало понятным, что Русская Православная Церковь должна принять участие в этом противостоянии. Тем более что по данным предвоенной переписи, почти 50 % взрослого населения страны (41,6 млн чел.), несмотря на гонения против религии, считали себя православными.

В один из первых дней войны местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) выступил перед верующими с посланием, в котором подчёркивался освободительный справедливый и народный характер войны. В нём церковь чётко определила свою патриотическую позицию: «Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами». Послание призывало помнить не о личных опасностях, а о долге перед Родиной и верой.

Большинство исследователей отмечает, что в период Великой Отечественной войны происходит поворот в отношениях между государством и РПЦ, во многом обусловленный, как уже говорилось, позицией Церкви. Для многих такое изменение в отношениях Советского государства и Церкви было весьма неожиданным. Одна из причин – повышение веры в Бога у населения как на фронте, так и в тылу. Первые перемены в религиозной политике произошли уже в начале войны: антирелигиозная пропаганда практически прекратилась, почти прекратились аресты священнослужителей, была остановлена антицерковная работа [2, с. 70].

Шагом, направленным на потепление взаимоотношений между государством и Церковью, стала встреча И.В. Сталина с митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом

Алексием, экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем, которая состоялась 4 сентября 1943 г. Результатом этой встречи стала программа официального возрождения внешней церковной жизни.

Церковь на государственном уровне стала восприниматься как социальный институт, оказывающий заметное влияние на граждан. Это позволяло Русской Православной Церкви осуществлять свою деятельность на законном основании.

За годы войны было открыто всего 6 церквей по Чкаловской области: Никольский собор (г. Чкалов), Покровская церковь (с. Студенцы, Саракташский район), Покровская церковь (с. Верхняя Платовка, Новосергиевский район), Воскресенская церковь (г. Абдулино), Никольская церковь (с. Спасское, Сорочинский район), Казанско-Богородицкая церковь (с. Черкасы, Сорочинский район). Примечательно, что оживление религиозной активности на селе было заметнее, чем в городе (из 6 открытых церквей 4 находилось в сёлах). Подобная ситуация отмечалась по стране: из открывающихся вновь церквей более 2/3 приходилось на сельскую местность [1, с. 28].

В 1945 г. религиозные организации решением СНК СССР получили права юридического лица, отторгнутые у них законоположением 1929 г. Церковные приходы получили возможность снова пользоваться колокольным звоном. Службы во вновь открытых церквях стали вести священники, многие из которых были судимы в недавнем прошлом за свои убеждения.

Изменения антицерковной политики были отражены, в первую очередь, в законодательных актах государства. В Постановлении СНК СССР «О порядке открытия церквей и назначении уполномоченных по делам РПЦ» от 28 ноября 1943 года № 1325 фиксировались основные моменты, регулирующие деятельность религиозных организаций:

1. В случаях, когда Совнаркомы союзных республик и областные (краевые) исполкомы отклоняют ходатайство веру-

ющих об открытии церкви, выполняется СНК или исполкомом мотивированное решение, копия которого направляется в Совет по делам РПЦ при СНК СССР, а материалы остаются в делах СНК республики или областного (краевого) исполкома. О своём решении СНК уведомляет верующих, подписывающих заявление.

2. Когда заявление удовлетворяется, то все материалы направляются в Совет по делам РПЦ для решения дальнейшего вопроса.

3. В своих заключениях Совнаркомы республик должны показать: а) действительно ли заявители были уполномочены группой верующих или они действовали по личной инициативе; б) в каком состоянии находятся церковные здания; в) когда были закрыты; г) количество функционирующих церквей в районе или городе.

В связи с принятием 1 декабря 1944 года СНК СССР постановления «О православных церквях и молитвенных домах» явилась необходимость внесения соответствующих изменений, утверждённых 5 февраля 1944 года Советом по делам РПЦ: При приеме от верующих заявлений об открытии церкви Совет должен следить за тем, чтобы заявление было написано чернилами, разборчиво и подписано не менее чем двадцатью совершеннолетними гражданами [3, с. 74].

Начался постепенный переход к возрождению религиозной жизни: возобновлялась деятельность приходов, оформлялись епархии. Чкаловскую епархию официально зарегистрировали после окончания войны.

Активность верующих, в первую очередь, направлялась на легализацию деятельности, регистрацию культовых сооружений. Но процесс возвращения религиозных зданий сдерживался. Наиболее распространённая причина отклонения ходатайств – занятость и отсутствие возможности освободить культовое помещение. В Чкаловской области, по данным на 1 апреля 1944 г., из 327 закрытых церквей 296 (90,5 %) выполняли непредназначен-

ные функции. Например, Никольская церковь в Форштадте была занята Госархивом НКВД; церковь в Красном городке – детской молочной кухней; Дмитриевская церковь – автомобильной ротой Южно-Уральского военного округа; здание религиозного культа в с. Бёрды – мастерскими ФЗО завода № 404.

Достаточно предвзятое отношение областных исполнительных комитетов стало достаточно ощутимой преградой для верующих. Но на отказы официальных властей они вновь составляли заявления. Всё меньше доверяя местной власти, группы из числа активистов обращались напрямую к руководителю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову, Патриарху Московскому и всея Руси Сергию, в Синод и другим представителям власти [3, с. 77].

В качестве примера можно привести многолетнюю переписку инициативной группы верующих с. Пономарёвка Пономарёвского района с различными властными структурами. Начиная с 1944 г. они, составив ходатайство, обратились к уполномоченному П.Г. Тептяреву с просьбой об открытии Казанской церкви в селе, но получили отказ, так как помещение приспособлено под ссыпной пункт. В дальнейшем группа верующих обращалась к Г.Г. Карпову, уполномоченному Совета по делам РПЦ при Совете Министров А.В. Дымову. Отправляла заказное письмо Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, в котором жаловалась, что их неоднократные просьбы об открытии церкви для отправления религиозных обрядов не давали положительного результата.

В 1950 г. группой верующих было написано заявление А.Н. Березину – уполномоченному по делам РПЦ при Совете министров, в котором говорилось, что «пять лет как закончилась война и всё это время мы не можем добиться открытия церкви. Соборовать, отслужить панихиду, покрестить некому. Священника нет. Народ испытывает тягчайшую скорбь по этому поводу. Особенно тяжело нам старикам». Верующие даже обращались в редакцию газеты «Правда»: «Что нам делать? Прошло

пять лет, а всё безрезультатно». В итоге Казанская церковь стала функционировать лишь в 90-е годы XX века, когда происходило массовое открытие религиозных зданий. Подобная ситуация наблюдалась и в других районах нашей области.

В целях ограничения пропаганды в отношении руководителей подобных объединений проводились профилактические мероприятия. Так, И. Машина, В. Еремеева, осуществлявшие руководство общиной ИПХ, подверглись арестам. Статья 227 УК РСФСР предусматривала наказание в виде лишения свободы до 5 лет или ссылкой на тот же срок за организацию или руководство группой, деятельность которой совершалась под видом проповедования религиозных верований, за использование культовых обрядов, сопряжённых с причинением вреда здоровью или с вовлечением в группу несовершеннолетних. Арест руководителей способствовал «временному затишью», но затем группы вновь активизировались. В результате за период с 1944 по 1948 год в Чкаловской области открыты 24 церкви и молитвенных дома, что свидетельствует о нежелании властей допустить полноценную деятельность религиозных организаций.

Таким образом, антицерковная политика государства в 20–30-е годы была закреплена законодательно. Религиозные организации области и страны были поставлены в крайне тяжёлое положение. Властные структуры проводили последовательное наступление на церковные объединения, которое отражалось в закрытии молитвенных зданий и ущемлении их прав.

Изменения в государственно-церковных отношениях, проявившиеся в открытии и реконструкции культовых сооружений, прекращении деятельности Союза воинствующих безбожников и других мерах, были связаны с положением Церкви в годы войны, а также активизацией религиозных настроений среди населения. Можно отметить, что смягчение религиозной политики государства не в полной мере позволило церковным организациям вести массовую религиозную деятельность,

которая к тому же контролировалась со стороны государственных властей.

Естественно, что репрессии против священнослужителей, верующих и закрытие церковных организаций нанесли огромный ущерб духовной жизни советского общества. С другой стороны, политика правительства была закономерным явлением, так как Церковь отрицательно отнеслась к установлению советской власти и не приняла коммунистическую идеологию, обладая при этом огромным влиянием на верующих. Поэтому становится понятной заинтересованность партийной верхушки в уничтожении религиозных предрассудков в обществе.

Литература

1. Ильясов, А. В. Религия и власть в годы Великой Отечественной войны / А. В. Ильясов // Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1995. – С. 26–29.

2. Потапова, А. Н. Веротерпимость государства по отношению к религиозным объединениям в условиях военного времени / А. Н. Потапова // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : материалы научно-практической конф. Т. 2. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. – С. 66–79.

3. Судоргина, Т. С. Чтобы не совершить ошибок... / Т. С. Судоргина // Южный Урал. – 1992. – 6 августа.

4. Токоякова, Н. Р. Методы государства в борьбе с религиозными объединениями в 1920–1930-е годы / Н. Р. Токоякова // Одна на всех трагедия и одна Победа : междунар. научно-практическая конф. к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Т. 2. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2021. – С. 91–95.

5. Томин, О. Борьба с религией в Оренбуржье в 30-е годы : скрытые страницы / О. Томин // Материалы XIX преподаватель-

ской XXXVII студенческой конференции. – Оренбург : ОГПУ, 1995. – С. 24–25.

N.R. Tokoyakova

REALISATION OF THE ANTI-CHURCH POLICY IN THE ORENBURG REGION IN 1920–1940s

Abstract: The article reveals the main stages of the anti-religious policy of the Soviet state in the 20–40s of 20th century. Particular attention is paid to the relationship between local government bodies and church leaders. The author examines the implementation of anti-church activities through the prism of decrees and legislative acts.

Key words: Russian Orthodox Church, Soviet state, anti-church policy, decrees, church values, repressions.

References

1. Il'yasov A.V. *Religiya i vlast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Religion and power during the Great Patriotic War]. In *Tez. dokl. nauchno-prakticheskoy konf.* [Thesis of reports of Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, 1995, pp. 26–29. In Russian.
2. Potapova A.N. *Veroterpimost' gosudarstva po otnosheniyu k religioznym ob"edineniyam v usloviyah voennogo vremeni* [Religious tolerance of the state in relation to religious associations in wartime]. In *Orenburzh'e v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy nauchno-prakticheskoy konf. T. 2.* [Orenburg region during the Great Patriotic War. Proceedings of scientific and practical conference. Vol. 2]. Orenburg, 2005, pp. 66–79. In Russian.

3. Sudorgina T. S. CHtoby ne sovershit' oshibok... [In order not to make mistakes ...]. In *YUzhnyj Ural. 1992, 6 avgusta* [South Ural, newspaper. 1992, August 6]. In Russian.

4. Tokoyakova N.R. Metody gosudarstva v bor'be s religioznymi ob"edineniyami v 1920–1930-e gody [Methods of the state in the fight against religious associations in the 1920–1930s]. In *Odna na vsekh tragediya i odna Pobeda. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 80-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny. T. 2* [One tragedy for all and one Victory. International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War. Vol. 2]. Orenburg, 2021, pp. 91–95. In Russian.

5. Tomin O. Bor'ba s religiej v Orenburzh'e v 30-e gody: skrytye stranicy [The fight against religion in the Orenburg region in the 30s: hidden pages]. In *Materialy XIX prepodavatel'skoj XXXVII studencheskoj konf.* [Proceedings of the 19th teaching 37th student conference]. Orenburg, 1995, pp. 24–25. In Russian.